

Михаил НЕСИН

ГАЛИЦКОЕ ВЕЧЕ И РОМАН ГАЛИЦКИЙ

Краткое галицкое княжение Романа Мстиславича на рубеже XII–XIII вв. существенно повлияло на дальнейшую судьбу Юго-Западной Руси. Потому особенно важно рассмотреть все свидетельства источников о взаимоотношениях галичан с этим князем.

Впервые галицкие вечники приняли его на княжение еще в 1188 г. Тогда у них были плохие отношения с новым князем Владимиром Ярославичем, с первых дней своего правления «прославившимся» как пьяница и распутник. Но особенно галичан задевало то, что он, по словам Ипатьевской летописи, *«думы не любяшет с мужми своими»*¹ (здесь и далее курсив мой. — М.Н.), что, как мы прежде указывали, грубо нарушало вечевую законность, ибо советы князя с дружиной обеспечивали необходимое посредничество между князем и вечем². Этим конфликтом воспользовался княживший в ту пору на Волыни Роман Мстиславич, который предложил галицким вечникам прогнать своего беспутного князя и принять его самого: *«се уведавъ Романъ, ажъ мужи галичкїи не добро живутъ с княземъ своимъ, про его насилье, зане где улюбивъ жену, или чью дочь поимашеть насильемъ. Романъ же слашетъ без опаса к мужемъ галичкимъ подѣтыка ихъ на князя своего, да быша его выгнале изъ отчины своее, а самага быша прияли на княжение»*³. Кстати, перед нами редчайший случай, когда в древнерусских источниках город назван «отчиной» вечников. Обычно так именовали княжение, закрепленное за определенной княжеской ветвью. Но Роман умело разжигал страсти «галицких мужей», играя на их традиционной кровной привязанности к родному городу. Мол, что вы терпите такого князя в своем отчем городе! Сам Роман в ту пору вынужденно делил с братом Всеволодом волынское княжение и теперь быстро использовал шанс обрести свой стол в богатом соседнем Галиче. И галичанам он тоже был выгоден, ведь при его переходе к ним Волынь отходила брату, а сам он не мог стать у них проводником иноземного влияния. Примечательно, что из всех пороков Владимира Роман выделял *«его насилье, зане где улюбивъ жену, или чью дочь поимашеть насильемъ»*⁴. Ведь недавно он посватал и отдал дочь за его старшего сына. И ради родства с сильным галицким князем Роман закрыл глаза на то, что сыновья у него были от неподобающей ему по статусу жены, *«попадѣи»*⁵. Родниться с отчаянным распутником, вечно насилующим чужих дочерей и жен, было несмыслимым позором. Но,

если бы Роман сам сел в Галиче, он мог расторгнуть этот брак, став галицким князем.

Что касается галицких вечников, они выразили единодушное согласие. Согласно той же Ипатьевской летописи, *«мужи же галичкыи приимше светъ Романовъ совокупивше полкы своя, и, утвердившеся крестомъ, и востаха на князь свои, и не смеша его изымати, ни убити, зане не вси бяхуть в думе тои, бояху бо ся приятелиевъ Володимиревыхъ. И сице сдумавше, послаша ко князю своему: "Княже, мы не на тя явостале есмы, но не хочемъ кланяться попадьи, а хочемъ ю убити, а ты где хочешь, ту а ты поимемъ". И се рекоша ведаючи ажъ ему не пустити попадьи, но абы имъ како прогнати его и симъ ему пригрозиша, онъ же, убоявсья, поймавъ злато и сребро много с дружиною, и жену свою поима, и два сына, и еха во Угры ко королеви. Галичане же, Романовну Федеру отняша у Володимера, послашася по Романа»*⁶.

Поскольку мы в свое время разбирали это известие⁷, то ограничимся тезисным изложением уже сделанных прежде выводов:

1) Против князя выступили именно вечники. В летописи они явно противопоставлены дружине, которую Владимир забрал с собой. Любопытно, что, согласно данному известию, галицкие вечники сами сформировали боевые «полки»⁸, хотя это не вполне отвечало обычной военной практике. Ведь, как показал П.В. Лукин, сведений о земских воеводах в древнерусских источниках нет (наоборот, по данным начального летописания, людей градских обычно возглавлял дружинник, иначе успех в серьезном военном предприятии был немислим)⁹. Но, как мы уже писали¹⁰, этот же ученый резонно призвал рассматривать эту проблему в контексте изучения политической активности вечевых людей градских¹¹. Поэтому в экстраординарном случае, восставая против князя, вечники, способные активно влиять на судьбу княжеского стола, могли и сами мобилизоваться в полки, и современников это не удивляло. Надо добавить, что В.Н. Татищев связал формирование галицких полков не с вечниками вообще - их собрали *«многие оскорбленные вельможи галицкие»*¹². И именно *«многие»*, а не все. Но конечное решение о способе изгнания князя принималось при всех вечниках, включая прочую знать, на «общем совете», и далее вечевые посланцы говорили Владимиру: *«Князь, прислали нас все вельможи и народ земли Галицкой»*¹³. Все это не противоречит рассказу Ипатьевской летописи, а дополняет его. Любопытно, что рассказ В.Н. Татищева о галицких событиях 1187-1189 гг. в целом очень напоминает аналогичное известие Ипатьевской летописи. А оно, в свою очередь, восходит к галицкому источнику¹⁴. Видимо, В.Н. Татищев пользовался тем же самым протографом. Иногда высказывались мысли, что в XII в. Галич не имел своей летописи,

были лишь отдельные записи, вставленные в Киевский свод, или же некие галичане извещали киевского сводчика о свежих галицких событиях¹⁵. Но серьезных обоснований у этих гипотез нет. Зато галицкие известия в Киевской летописи появились в 1140-х гг., как раз когда Галич выделился как сильный, самостоятельный центр, но Киев еще считал его в своей власти и требовал от его князя вассального повиновения. Едва ли в этой обстановке хронист Матери городов русских вдруг стал консультироваться с галичанами. Логичнее предположить, что с этого времени в Галиче, как и в иных русских центрах, возникло собственное летописание, а уже потом киевский сводчик использовал из него фрагменты. Правда, в древнерусских текстах слово «вельможа» обычно обозначало дружинных сановников и ни разу не употреблялось в однозначно ином значении. Но ученый писал на языке своего XVIII в., когда русская знать уже не делилась на земскую и дружинную, и мог назвать так любую элиту. Но в целом его рассказ реалистичен. О наличии среди галичан наиболее инициативной группы приверженцев Романа задним числом указано и в Ипатьевской летописи. Когда вскоре Владимир вернется в край с венгерской ратью, тот бежит с *«галичаны... котории же его ввели бяхуть в Галичь»*¹⁶.

2) При этом все галичане были единодушны в желании избавиться от Владимира и пригласить Романа. Однако они разошлись во мнениях, как это сделать. Часть галичан хотела убить Владимира. Но другие, которых все «бояху», стояли за более мирный метод¹⁷. Правда, летописец заклеил их «приятелями» Владимира¹⁸. Добавим, что в аналогичном известии В.Н. Татищевым они значатся «верными»¹⁹. Видимо, составитель использованного Татищевым и ипатьевским сводчиком галицкого источника сочувствовал первой части вечников, а их оппонентов предвзято обвинял в приверженности Владимиру. Летописная риторика оказала большое влияние на историков, которые стали среди вечников (или, как вариант, вне их среды) искать реальных сторонников Владимира Ярославича²⁰. Но на деле эта часть галицких вечников тоже желала его сместить, однако настояла на мирном способе: поставить перед ним ультиматум - уйти или бросить неподобающую ему по статусу жену-попадью. При этом, как прямо нам сообщает летопись, они заранее знали, что он не согласится ее оставить: *«ведаючи ажь ему не пустити попадьи, но абы имь како прогнати его»*²¹. Так и случилось: князь отказался бросить жену, с ней и обоими сыновьями сбежал из Галича, прихватив богатую казну и свою дружину²². Кроме того, необходимо добавить, что, согласно уникальному сообщению В.Н. Татищева, галичане не прямо выдвинули князю это условие, а сперва решили на общем совете потребовать

от него помириться с братом Олегом, что их посланцы исполнили: *«Собравшись на общий совет, говорили, чтоб Владимира просить, чтобы с братом Олегом примирился и не допустил земли своей до разорения. Другое, чтоб попадью отпустил, а взял княжну, где хочет, поскольку им от того стыд и поношение несносное. На что все согласясь, послали к нему говорить главных, но тайных его противников. Оные, придя, говорили Владимиру: "Князь, прислали нас все вельможи и народ земли Галицкой, велели вам объявить: отец твой Ярослав, умирая, учинил завет тебе владеть Перемышлем, а Галич со всеми градами отдал Олегу. На этом как ты, так и мы все крест целовали, но по безумию нашему преступили. Ныне же каемся Богу, а тебя просим, чтобы ты без пролития крови шел в свой Перемышль"». На что он им отвечал: "Хотя крест отцу моему целовали, но оное по нужде, против закона. Я же старший и с Олегом помирился, потому вы уже ничего противно тому говорить, не можете и непристойно вам на пролитие крови христианской смятение начинать". На оное ответствовали: "Мы, господин князь, на тебя не восстаем, но скорее хотим тебя и твою честь соблюдать, но не хотим кланяться попадье"»²³*, а затем внезапно выдвинули уже известный нам из Ипатьевской летописи ультиматум — или уйти, или бросить «попадью»²⁴. На первый взгляд, вопрос об Олеге выглядит очень странным и даже глупым: известно, что галичане сами изгнали его, ибо он своим неумелым правлением вызвал мятеж по всей области²⁵. И уж конечно они должны были знать, что Владимир с ним помирился. Тем более что на деле возвращать Олега в Галич не собирались, все делалось для призвания Романа. Все это напоминает ловкий дипломатический ход: сперва к князю пришли с заведомо глупой претензией, а когда тот резонно ответил, что с братом помирился, то будто бы идут на попятный, уверяя, что вовсе не идут против него, а скорее хотят, чтобы он остался. Но тут же вдруг велят отказаться от неположенной по статусу жены, ибо народ ее не признает. При этом, как далее добавляет В.Н. Татищев, галичане грозились убить не только жену князя, но и их общих детей. Это и подтолкнуло его бежать с семьей²⁶. В целом, данные Татищева нам кажутся правдоподобными (*хотя и он, как и ипатьевский сводчик склонны считать адептов мирного выживания князя его союзниками. — М.Н.*) — было бы странно, чтобы галичане, желая придать изгнанию князю относительно мирный вид, стали бы сходу нападать на него с претензиями к его жене. Ведь тот жил с ней давно, их старший сын уже сам женился. Чем бы они отличались от более радикально настроенных собратьев, желавших покончить с ним? А вот если поступиться к князю хитро, начать разговор о брате-сопернике, а потом уже выдвинуть ультиматум, все уже принимало более благопристой-

ный вид. Дескать, город любит князя и предпочитает его брату, но, чтоб все было по чести, князь должен иметь подобающую супругу. Тем самым и вечники не выглядели мятежниками, и князь ставился в неловкое положение. Ему было нечего ответить вечевым посланцам, оставалось лишь бежать с любимой семьей.

Добавим, что при этом, согласно как Ипатьевской летописи²⁷, так и В.Н. Татищеву²⁸, галицкие вечники забрали с княжеского двора княжну Федору, дочь Романа. А затем послали за ним. Ведь теперь галицким князем становился он сам, и родниться с Владимиром уже ему было незачем. Перед отъездом в Галич Роман поцеловал крест брату, обещая тем самым никогда не покушаться на волынское княжение.

Однако его первое галицкое княжение было недолгим: изгнанный Владимир тотчас уехал в Венгрию и подбил короля Белу III отобрать у Романа Галич, думая потом вновь в нем сесть. Король отправил туда все свои силы. Когда венгры подходили к городу, Роман бросил его и сбежал с некоторыми галицкими вечниками, бывшими в свое время наиболее активными приверженцами его вокняжения, - *«галичаны... котории же его ввели бяхуть в Галичь»*²⁹. Эти галичане ушли с семьями — с ними были *«галичанкы»*³⁰.

По мнению В.Н. Татищева, причина их ухода с князем крылась в том, что в Галиче объявились приятели изгнанного Владимира³¹. Эту версию приняли с некоторыми вариациями М.С. Грушевский, М. Кордуба и А.В. Майоров³². Однако, как мы указывали с привлечением конкретных примеров³³, уникальные «известия» В.Н. Татищева требуют особого рассмотрения, ведь, несмотря на то, что достоверность многих из них можно считать доказанной³⁴, некоторые содержат недостоверную информацию. Например, год рождения Святослава Игоревича Татищев указал неверно, назвав 920-й,³⁵ на самом деле этот князь родился в 942 г.³⁶, и потому на войне в 945 г. не мог метнуть боевое копьё³⁷. При этом в канву документального повествования ученый иногда вставлял собственные домыслы, не соответствующие действительности (например о вероломном поведении Александра Невского в Орде перед Неврюевой ратью³⁸, о расстановке политических сил в Новгороде сразу после Шелонской битвы³⁹). К этому же разряду, очевидно, относится и сообщение историка о бегстве Романа от Владимировых приятелей. Как мы писали выше, версию о существовании сторонников Владимира В.Н. Татищев взял из известия галицкого протографа Ипатьевской летописи о недавнем уходе этого князя (хотя, как мы видели, на деле никаких приверженцев у этого князя не было). Но теперь ученый стал развивать эту тему самостоятельно, домысливая о влиянии этих мнимых приятелей на дальнейшие события галицкой истории. Между тем в Ипатьевской

летописи прямо названа совершенно иная причина бегства Романа и его галицких приспешников — страх перед приближающимися венгерскими войсками: *«и слышав... ажь король за Горюю уже»*⁴⁰. Именно перед венграми, а не перед земляками, в свое время единодушно принявшими Романа.

Что касается Романа Мстиславича, он, видимо, бросил Галич не из трусости, а логично рассудив, что силы не равны, а попасть в плен он не желал. Ведь бороться силами одного города (даже в случае мобилизации нескольких волостных пригородных отрядов) со всей венгерской ратью было немыслимо. Личной храбростью на войне этот князь обладал в достаточной мере. В остальных войнах он никогда не отступал, а в 1170 г., сидя на новгородском столе, при наступлении войск огромной вражеской коалиции не покинул города, а участвовал в его обороне и даже разбил несметную рать противников, передравшихся, видимо, из-за раздела ожидаемых новгородских богатств⁴¹. А согласно польским хроникам, уже в 1195 г. он храбро сражался во главе русской рати с войском Мешко Старого в кровавой битве на реке Мозгаве и был ранен⁴². Но, как впоследствии и его сын, Даниил⁴³, он не участвовал в делах, по его мнению, заведомо проигрышных, потому не остался в Галиче ждать плена и бежал, оставив галичан на милость интервентов. Другое дело, что, как мы уже писали⁴⁴, подробный поступок на Руси, с точки зрения городских вечников, был недопустимым. С этих пор галичане в большинстве своем никогда по доброй воле не желали приглашать его на княжение. В дальнейшем он мог захватить Галич лишь силой. Другое дело, что, блуждая вместе со своими галицкими приверженцами по окрестным землям в поисках военной помощи для отвоевывания Галича, Роман скоро оказался в Белгороде Южном, где при встрече с князем Рюриком Ростиславичем уверял его, что его зовут на галицкое княжение *«галичане»*⁴⁵ (по В.Н. Татищеву - *«все галичане»*)⁴⁶. Исходя из этого, некоторые ученые полагают, что галичане уже тогда боролись против венгерской власти, пытаясь пригласить русского князя⁴⁷. Но это лишь слова Романа. На деле же галичане больше не желали его возвращения, всегда предпочитая ему иных князей. Что двигало Романом — искреннее незнание мнения оставшихся в Галиче вечников, или он нарочно сделал умелый дипломатический ход, чтобы проще выпросить помощь (*ведь горожане составляли большую силу, и иногда их позиция даже решал исход борьбы.* - М.Н.)? В данном случае сказать трудно.

Подойдя к Галичу, венгры захватили его. Но король нарушил обещание и не отдал его Владимиру, а дал *«галичаны весь наряд»* и передал город своему сыну Андрашу. А Владимира забрал в Венгрию и там заточил⁴⁸. Сходная информация содержится и в польских хрониках,

прежде всего в хронике современника тех событий, магистра Винcentия Кадлубека⁴⁹. Как добавил В.Н. Татищев, король формально обвинил Владимира, что тот, дескать, действовал «с лестью» (обманом), не пожелав заплатить ему за помощь, как обещал⁵⁰.

С этих пор Галич перешел под власть венгерской короны. В нем стали хозяйничать интервенты. Ученые справедливо полагают, что они утвердились в Галиче как захватчики⁵¹. Но, по мнению А.В. Майорова, отношения венгров с галичанами строились на взаимном согласии и не носили характера оккупации⁵². Ныне, не ссылаясь на своего предшественника, сходные идеи высказал П.С. Стефанович⁵³. Хотя данную главу монографии А.В. Майорова он читал, так как сделал ссылку на содержащийся в ней частный и не самый яркий эпизод о подоплеке призвания Берладнича⁵⁴. При этом оба исследователя в основном построили свои выводы на одном и том же аргументе — что Бела дал галичанам «наряд»⁵⁵, то есть заключил с ними договор⁵⁶. Одно время мы тоже считали, что венгры (хотя и чисто формально) заключили с галичанами договор на вече⁵⁷. Но выражение «дать наряд» означало наладить организацию управления. (См., напр., знаменитые слова легенды о призвании варягов «земля велика и обильна, а наряда в ней нет» или приведенное тем же А.В. Майоровым известие о том, что князь Олег строил города *«и весь наряд устави по Русской земли»*⁵⁸.) Иногда, конечно, наряд мог быть сопряжен со взаимным вечевым соглашением. В 1170-х гг. князь Михалко, едзя по Низовским городам, сперва *«створи людем весь наряд»* и лишь затем (*видимо, на том же собрании*. - М.Н.) утверждался с ними крестоцелованием, тем самым ритуально вступая в должность⁵⁹. Было бы странно, чтобы князь, не пройдя интронизации, стал в одностороннем порядке давать распоряжения государственной важности. Видимо, он утвердил на вече ряд важных постановлений и затем тут же с согласия горожан принял у них княжение. Но в галицком случае нет прямых указаний на вечевой сход (хотя, возможно, король сделал на вече соответствующие объявления). Поэтому логичнее всего полагать, что наряд просто касался установления системы вассальной зависимости края от Венгрии. Более того, как выяснится далее, король перед уходом в Венгрию взял в заложники сыновей некоторых галицких вечников (что было особо сильной и редчайшей формой шантажа — за редкими исключениями из членов семьи в заложники не брали наследников)⁶⁰. И те, в отличие от прочих горожан, стремившихся сбросить венгерское владычество в крае, боялись идти против венгров⁶¹.

Дав галичанам весь наряд, Бела оставляет им в качестве своего наместника наследного королевича Андраша. И, когда в том же год усбежавший из Галича Роман Мстиславич попытался вернуть себе

город силой, венгры с галичанами отбили его натиск⁶². А.В. Майоров видит в этом еще одно доказательство галицкой вечевой общины новой венгерской власти⁶³. Но, как мы уже замечали⁶⁴, в источнике не указана реальная политическая роль галичан в этой акции. Кроме того, недавно мы разбирали реальный случай, когда в 1229 г. (на этот раз - уже при новым венгерском правлении в Галиче) галичане вынуждены были участвовать в военных действиях венгерских властей и поэтому, позвав к себе на княжение с Волыни Даниила Романовича, чтоб тот освободил их от венгров, умоляли его придти до прибытия в город Судислава, который при венграх руководил обороной. И потом, когда Судислав все-таки опередил Даниила, они не могли препятствовать венграм защищать край, хотя их бояре целовали волынскому князю крест, а приняли в городе лишь тогда, когда Даниил, собрав огромное войско из области, смог вытеснить венгров из города⁶⁵.

Кроме того, как мы увидим далее, уже в 1189 г. галичане, призвав Ростислава Берладника, в зависимости от расстановки сил, то вынуждено воевали против него на стороне венгров, то, наоборот, пытались сбросить ослабленных интервентов и принять князя к себе. Надо думать, что и в интересующих нас перепетиях 1188 г. галичане шли защищать венгров не по доброй воле (к слову, в этом случае не ясно, какая категория населения скрывалась под понятием «галичане»). Может быть, это не только вечники, а любые галичане, названные так в противовес противникам из иных земель, как бывало в уже отмеченных нами случаях⁶⁶ в древнерусских летописных известиях о галичанах, волынцах, новгородцах).

Как вскоре оказалось, против решительного изгнания венгров из Галича были лишь те, чьих родных венгерский король увез в заложники: *«Мужи же галичкии не бяхуть вси во одинои мысли, но чии бяхуть сынове и братья у короля, то ти держахуться крепко по королевичи»*⁶⁷. В.Н. Татищев добавил, что это была часть галицкой знати, «вельмож», которая получила вдобавок от венгров «великие награждения», Но *«вскоре потом сами и с именем неправедным погибли»*⁶⁸ (про обстоятельства их гибели ничего не ясно, хотя уже высказывалась гипотеза, что с ними расправились собственные сограждане после изгнания венгров⁶⁹. Возможно, впрочем, что они погибли иначе, например в битве с Берладником. Вообще текст татищевского известия очень по стилистике напоминает Галицко-Волынскую летопись. Вероятно, ученый пользовался ее не дошедшей до наших дней частью). Возможно, исходя из этого «татищевского известия», некоторые историки пишут о некой провенгерской партии галичан, из личной выгоды поддерживавшей венгерское владычество⁷⁰. Но тот же Татищев не отрицает того, что они опасались за судьбу родственников⁷¹. А летопись, как

мы видели, и вовсе умалчивает о наградах, говоря лишь о страхе за близких. Потому они и не шли против венгров. И, по верному замечанию Н.П. Дашкевича, их стоит считать провенгерской политической партией, так как они смирились с оккупацией не по доброй воле⁷². Но они не имели веса. Большинство вечников предприняло все возможное, чтобы сбросить венгров, призвав нового князя. *«Того же лета послашася галичкнии мужи к Ростиславу к Берладничичю, зовоуще его в Галич на княжение, он же, слышавъ, радъ бысь, испросися у Давыда, бяшетъ бо Двѣдъ приять его к собе. И еха и Смоленска в борзе, и прихавшию же ему ко украине Галичкою, и взя два города Галичкыи, и оттоле поиде к Галичю по ихъ совету»*⁷³. Этим князем оказался Ростислав Берладнич, сын изгнанного из Руси еще за 45 лет до этого Ивана Берладника, живший в ту пору в Смоленске у Давыда Игоревича. Порой историки связывают выбор галичан с тем, что они уважали его отца⁷⁴. Однако на самом деле отношения с Берладником у них были сложные. В свое время они, поссорившись с Ярославом Осмомыслом, призвали было его, но тот проявил себя вовсе не как их защитник, а как ориентированный на Киев захватчик. Поэтому галичане передумали и примирились с Ярославом⁷⁵. Так что, призывая Берладника, они руководствовались иными соображениями. Надо учесть, что этот князь был изгоем, не имевшим своего княжения на Руси. Это было на руку галицким вечникам. Ведь безземельный князь вынужден будет на галицком княжении считаться с ними и не сможет сделать Галичину провинцией своей старой столицы. Кроме того, как отметил П.С. Стефанович, важным фактором было и то, что князь-изгой помнил о том, что в Галиче некогда княжил его отец, и был готов любой ценой возратить свою «отчину»⁷⁶. Для галичан такой кандидат явно был лучше, чем какой-либо иной искатель богатых земель, способный при случае сменить Галич на другой стол.

Правда, некоторые исследователи предполагают, что обратиться к Ростиславу их подвигло лишь то, что венгерский король Бела III обещал князю Святославу Всеволодовичу выделить часть Галицкой земли, что очень возмутило галицких вечников, не желавших дробления своей области⁷⁷. При этом А.В. Майоров писал, что известия об этом разделе и призвании галичанами Ивана Берладника в летописи не зря находятся в прямой последовательности⁷⁸. Сразу отметим, что для летописца эти события не были связаны. Сообщая о призвании Берладника, он начинает фразу с оборота «того же лета»⁷⁹, то есть в той же погодной статье начинает описывать уже совершенно новую историю, которая просто произошла в том же году. Во-вторых, обещания король не сдержал. Согласно Ипатьевской летописи, он в самом деле объявил, что готов дать Святославу давно обещанное и просил

его прислать к себе сына. Тот так и сделал, прислав сына Глеба *«ко королевичу»*⁸⁰ (хотя не надо думать, что речь идет именно о поездке в Венгрию. Как уточнил В.Н. Татищев, король просил прислать сына именно в Галич, в помощь королевичу. — М.Н.)⁸¹. В свое время С.М. Соловьев и Д. Зубрицкий высказали разные предположения о том, что обещал Святославу венгерский король. Если первый писал о грядущей передаче самого Галича⁸², то второй (а за ним — и М.С. Грушевский) называл Перемышль и Требовель⁸³. Эти версии поддерживают и новейшие исследователи⁸⁴. Но никто до сих пор не рассматривал уникальное известие В.Н. Татищева (в целом излагающего галицкие события 1188-1190 гг. весьма близко к Ипатьевской летописи, по общему с ней галицкому источнику) о том, что вскоре после утверждения королевича в Галиче король *«опасаясь Святослава и Рюрика, чтоб оные, в согласие войдя, сына его не выгнали, послал ко Святославу в Киев тайно говорить о дружбе, обещая ему, изгнав Романа, Владимир или Галич сыну Святослава отдать, чему поверив, Святослав Рюрику не открыл»*⁸⁵. Однако, несмотря на это, князь так ничего и не получил, хотя *«ухохотався»*, предвкушая передачу сыну Галича⁸⁶. В этом плане интересно дополнение В.Н. Татищева, что, оказавшись в Галиче, сын Святослава Глеб стал просить обещанное, королевич *«отговаривался ему, что из-за Владимира учинить ничего не можно»*⁸⁷, хотя известно, что Владимир в то время был в венгерском плену и еще не сбежал оттуда (это произошло позднее)⁸⁸.

Неуютно чувствуя себя в Галиче, венгры при помощи лживых посулов заручались поддержкой соседних русских князей, но делиться с ними не спешили. В этой связи понятно, почему Святослав не положился на договор с венграми и вскоре пошел войной на Галич, да еще вместе с князем Рюриком Ростиславичем, тоже зарившимся на те земли⁸⁹. Он понял, что просто так ему Галич не отдадут. И на войну пошел не ради мира с Рюриком, а после увещеваний митрополита, что добыть Галич можно только в бою, притом объединенными силами⁹⁰. Правда, еще по пути на Галич князья так заспорили о предстоящем дележе края, что все бросили и пошли назад⁹¹. Поэтому не стоит искать в призвании Берладника каких-либо иных причин, кроме желания найти замену венгерской власти.

Узнав о неверности галичан, венгерский король встревожился не на шутку и прислал из Венгрии много войск, чтоб удержать Галич, а королевич заставил галицких вечников клясться ему на кресте в верности. Когда Берладник подошел к городу, там его уже ждала огромная венгерская рать. *«В то же время прислал король полкы угорския мнози, сынови в помочь, бояся князии рускыхъ (видимо, Ростислава воспринимали в союзе с приютившим его Давыдом Смолен-*

ским, у которого тот отпрашивался в поход к Галичу. Тем более, что, как добавляет В.Н. Татищев, Давыд дал с собой Ростиславу полк⁹². Но другое известие ученого - что король боялся именно Святослава с Рюриком⁹³ - выглядит как необоснованный домысел. Ведь сообщение об этом дается уже в ином контексте, в связи с призванием Ростислава. — М.Н.). Слышав же се королевичъ и воеводы угорьскыя, аж идетъ Ростиславъ к Галичу по свету галичкихъ мужъ. Королевичъ же не има имъ веры поча ихъ водити ко кресту, правии же целоваша не ведающе, а виноватию блудучися угорь»⁹⁴. (При этом, видимо, венгры-католики применяли это крестоцелование в рамках каких-то своих норм, неясных православным галицким вечникам. Иначе что могли «не ведать» «правые» галичане, вынужденно обещая воевать против призванного ими Берладнича, из-за чего «виноватые» - не иначе как без того смирившиеся с венгерской властью родственники заложников - «блудучися угорь»?!) В передаче В.Н. Татищева эта фраза выглядит иначе - «несведущие о том право, винные же за страх, все крест целовали, отказываясь от Ростислава»⁹⁵. Думается, что ученый XVIII в. не вполне точно понял древнерусский текст, вместо правых галичан упомянув «правое» крестоцелование, изменив тем самым смысл всего предложения, а затем, видно, задним числом, домыслил, что тогда целовали виноватые - не иначе как «за страх».) В присутствии пришлых венгерских полков галичанам уже не оставалось ничего, кроме как покорно сражаться с подошедшим Берладником (сам же Ростислав, согласно Ипатьевской летописи, не ожидая венгерского подкрепления, подступил к городу всего лишь в «мале дружине»). Поначалу к нему перешло «неколько мужъ галичскихъ», но скоро они, подчинившись мнению большинства сограждан, взяли сторону венгров⁹⁶.

По Ипатьевской летописи, а также, видимо, восходящему к тому же галицкому протографу почти дословному известию В.Н. Татищева, Ростиславовы дружинники за это озлились на галичан и решили было идти назад, но Ростислав упрекнул их в том, что они ему сами целовали крест, обещая воевать с ним за галицкое княжение, и с этими словами наехал на галицко-венгерскую рать, но был окружен врагами и сброшен с коня, после чего, тяжело раненный и едва живой, был отнесен в город⁹⁷. По уникальным данным В.Н. Татищева, Ростислав сперва сумел прорвать строй врагов, но затем те окружили его вместе с его воинами и почти весь отряд перебили, а его самого, перед тем как сбросить с коня, ударили копьем⁹⁸. Это похоже на известный в мировой тактике маневр, когда войско расступается, заманивая противника вперед, а потом внезапно окружает и разбивает его. Но и Ростислав со своими воинами нанес венграм большой урон. Мощь

венгерских полков так ослабла, что галицкие вечники уже не боялись их и хотели возвести Берладнича на княжение: *«Галичани же возмятошася, хотяче и изотати у въгорь, и прияти собе на княжение»*⁹⁹. Венгры же, будучи уже не в силах прямо противостоять мятежу, были вынуждены пойти на хитрость, быстро умертвив князя, приложив к его ранам отраву¹⁰⁰. Затем они, по точному выражению В. Н. Татищева, стали *«оскорблять и утеснять»* галицких вечников за проявленную неверность к ним¹⁰¹ (как уточняет Ипатьевская летопись — за то, что те искали князя *«русского»*)¹⁰². Из этого очевидно, что венгры сели в Галиче как настоящие оккупанты и считали его венгерской провинцией, не достойной выбирать себе власть. Мстя галичанам, венгры стали насиловать их жен и дочерей, ставить коней к ним в храмы *(тут тексты В.Н. Татищев и Ипатьевской летописи снова почти дословны. — М.Н.)*¹⁰³. По словам Ипатьевской летописи, коней водили и в избы горожан¹⁰⁴. Далее в летописи идет неоконченный текст: *«Галичани же почаша тужити велми, и много каяшася, прогнавше князя своего...»*¹⁰⁵. В полном виде он приводится В.Н. Татищевым: *«Тогда галичане одумались и стали тужить, каясь, что Владимира, князя своего, изгнали и Ростислава, предав венграм, погубили, себе же позор и большую тягость нанесли, но помочь уже не могли»*¹⁰⁶. Однако пока они терпели венгерскую оккупацию, ибо не видели достойного альтернативного кандидата на княжение.

Роман Мстиславич, как видно, им был не нужен. А без князя они себя не мыслили. Поэтому до поры сносили бесчинства уже не превосходивших их по силе венгерских оккупантов. Лишь когда вскоре князь Владимир бежал из венгерского плена и, заручившись помощью вассала императора Фридриха Барбароссы, Казимира Польского, подступил к Галичу, галичане восстали против венгров и выгнали их: *«Галичкийи же мужи сretoша его с радостью великою, князя своего и дедича, а королевича прогнаша из земля своя, а Володимер седе на столе деда своего и отца своего на спасовъ день»*¹⁰⁷ *(т. е. 6 августа 1989 г. - М.Н.)*¹⁰⁸. Если верить Я. Длугошу, Владимир уже даже начал осаду города¹⁰⁹. Это похоже на случай в начале XIII в., когда галичане свергли власть венгерских интервентов уже при подходе Мстислава¹¹⁰. Притом князь вступил в союз с великим князем Всеволодом Большое Гнездо, чтобы тот всегда защищал его *«и весь Галичь»* от вражеских нападений¹¹¹, что было выгодно в том числе и для «всего Галича», галицкого веча, только что пережившего иноземную оккупацию. Неудивительно, что галичане теперь поладили с Владимиром и не изгоняли его до его смерти в 1199 г.¹¹²

Другое дело, что, если верить В.Н. Татищеву, этот князь и после возвращения *«предан был питию и любодеянию многому, чего ради*

от всех умных галичан был ненавидим. Оный скончался неизвестно от чего, одни думали от пьянства, другие утверждали, что отравой уморен. И сим пресеколось колено столь славных в храбрости князей Владимира Ярославича и сына его Ростислава»¹¹³. Судя по контексту известия, если кто и сгубил князя, то это «умные галичане». Кто из галичан мог пойти на такие меры, при том что на Руси не было другого князя, на которого они могли бы сколько-нибудь положиться (поэтому даже беспутного Владимира в свое время встретили радостно)? Но, как далее сообщает Татищев, после похорон Владимира «галичане учинили совет (вечевое совещание. — М.Н.) послать Рюрику и просить его о наставлении, кого князем избрать. Другие желали Романа Мстиславича»¹¹⁴. Как мы видим, большинство стояло теперь за то, чтобы обратиться к старому сопернику Рюрику Ростиславичу и, как окажется позднее, ждали от него, что он пришлет им на княжение сына Ростислава: «А галичане ожидали известия от Рюрика, уповая, что им сына своего Ростислава даст, но через столь долгое время отповеди не получили»¹¹⁵. Едва ли случайно В.Н. Татищев сообщает о вечевом решении галичан в столь не прямой, витиеватой форме (хотя в русских летописях всегда сразу прямо сказано, что у князя просят к себе на княжение сына. — М.Н.). Сломленные внезапно свалившимся на них периодом бескняжия, галичане вынужденно обратились к властолюбивому киевскому князю, зарившемуся на их земли, от которого можно было ждать, что он не упустит случая подчинить край киевской власти, используя сына как наместника. И в емком вечевом постановлении отразилось общее настроение галицких вечников, выуженных теперь зависеть от наставлений киевского сюзерена.

Но часть вечников (видимо, меньшинство, не имевшее политического влияния) хотела призвать Романа, который не меньше Рюрика стремился властвовать на юге Руси и вдобавок не так давно сбежал из города при подходе венгров. Не исключено, что эти люди и пошли на отчаянный шаг, отравив Владимира. Не имея влияния, они могли действовать тайно, внезапно умертвив нелюбимого многими беспутного князя, и надеяться, что во время бескняжия, из-за отсутствия удачной кандидатуры, они склонят своих отчаявшихся сограждан призвать Романа. Но в большинстве вечники выбрали сына Рюрика. И их решение было законом. Другое дело, что, по В.Н. Татищеву, Роман Мстиславич знал о наличии в Галиче своих сторонников и именно поэтому «уведав о том, переменяв злобу в лость, послал к тестю своему Рюрику, прося у него прощения, а при том позволения и помощи, чтоб ему получить Галицкое княжество»¹¹⁶. Расчетливый волынский князь понимал, что, если Рюрик не даст им сына, но пошлет к Роману, они теперь примут и его. И относительно немногие его сторонники в

среде галицких вечников смогут их еще сильнее к тому склонить. Но, как продолжает Татищев, Рюрик не желал усиления своего амбициозного волынского соседа и отказал ему. Тогда Роман обратился за помощью к польскому королю Лешек¹¹⁷.

А.В. Майоров принял на веру уникальные известия В.Н. Татищева¹¹⁸, очевидно, восходящие к древнерусскому летописанию¹¹⁹. При этом в польских хрониках есть лапидарная информация о том, что опустевший галицкий стол пытались хитростью и силой захватить многие князья. Но среди них был и Роман, превосходивший их в умении плести интриги¹²⁰. В этом плане дополнения Татищева особенно интересны, ибо наполняют это сообщение польских хроник конкретным содержанием.

Как сообщают польские хронисты, когда Лешек подошел к галицким рубежам, его встретила «галицкая знать», «первые люди Галиции», которые поклялись ему за себя и за «своих людей» (*видимо, галичан. - М.Н.*) в верности и готовности подчиниться его власти, или чтобы его замещало любое удобное ему лицо, лишь бы его имя «воссияло» над ними и он защищал их от хищных русских князей¹²¹. Однако, когда король вошел в пределы земли, галицкие города оказывали ему сопротивление, да и жители самого Галича, по выражению Великой Польской хроники, «многочисленные, как песок», тоже готовы были защищаться¹²². Как сообщают польские хронисты, король поставил галичанам ультиматум - или уйти прочь из Галичины, или защищаться. Галичане выбрали второе, но, когда дело дошло до сражения, они быстро сдались на милость короля и уже искренне смиренно просили его принять власть, а потом смирились с его приказом принять Романа Мстиславича¹²³. Правда, как уточняет хронист Ян Длугош, галичане сдались не сразу, узрев войско противника. Произошло небольшое сражение, в ходе которого поляки без труда разбили передовые галицкие отряды, а прочие, в числе которых было много пехоты, быстро разбежались¹²⁴. Но это, по сути, никак не противоречит сообщениям ранних хронистов, лишь дополняя их. Правда, по мнению А.В. Майорова, галичане сперва в самом деле готовы были принять власть Лешека, но стали воевать с ним, как только тот с войском самовольно вошел на территорию края, тем самым поступив, как захватчик¹²⁵.

Однако эта гипотеза не кажется нам в достаточной степени обоснованной. Раз король изначально подступил к Галичине с военными силами, то, приняв приглашение галичан на княжение, он вошел тоже вместе с войском. Странно было бы, если бы галичане, искренне просившие его защищать их от посягательств русских князей, изменили свое отношение к нему при виде войска. Просто они тянули время. Любопытно, что тот же А.В. Майоров приводит известия польских

хроник и В.Н. Татищева, что они окончательно сдались, когда потеряли надежду на подмогу извне со стороны русских князей¹²⁶. (Как уточняет Татищев, они ждали, что Рюрик пришлет им сына, и сдались, когда отчаялись ждать его. Кроме того, в Галичину на помощь полякам двинулись венгры¹²⁷.) Поэтому, видимо, есть основание верить польским источникам, что галичане с самого начала льстиво лгали полякам на границе, желая усыпить их бдительность, а когда те вступили, неожиданно для них вероломно оказали сопротивление¹²⁸. Лишь отсутствие помощи из Киева и перспектива скорого венгерского вторжения принудили их сдаться.

При этом, как следует из хроники Кадлубека и Великопольской хроники, когда галичане окончательно сдались полякам и король решил посадить к ним Романа Мстиславича, его пытались было переубедить русские сановники (*primis*) и знатные (*precipuis*) лица (*у Кадлубка - primi ac praecipui. - М.Н.*). Но король не изменил своего решения¹²⁹. При этом Кадлубек добавляет, что не звать Романа просили абсолютно все (*omnibus*) сановники и знатные люди¹³⁰. По верному замечанию А.В. Майорова, это значит, что если раньше в Галиче были сторонники повторного вокняжения Романа, то они исчезли, как только поляки вторглись в галицкие владения¹³¹. Ведь даже его приверженцы едва ли хотели, чтобы князь правил городом как захватчик. Однако русские (галицкие) сановники в обеих хрониках противопоставлены знати — *precipuis, praecipui*. Не значит ли это, что под ними стоит понимать дружинных сановников, выдвинувшихся на службе у князя? А знать — это земское, вечевое боярство, «лучшие мужи», положение которых определялось знатностью рода.

Любопытно в этом отношении известие Кадлубка о том, что, едва Роман вокняжился в Галиче, он учинил массовый террор по отношению к галицкой верхушке, казнив «*satrapes et eubagionum florentissimos*»¹³². При этом, если термин «*satrapa*» в Польше обозначал всевозможных сановников¹³³, то другое латиноязычное понятие — «*eubagionum*» — он заимствовал из тогдашней венгерской терминологии (так в Венгрии по-латыни именовали вельмож и баронов¹³⁴). Но поскольку хронист и так написал про сановников, то, надо полагать, речь идет о баронах, знатных людях, в данном случае — галицкой знати. Значит, полностью это выражение стоит перевести так — «сановников и цвет знати». Как мы видим, и здесь знать противопоставлена сановникам. Видимо, речь опять идет как о дружинных сановниках, так и о земской аристократии — тех же категориях, что недавно молили Лешека не приглашать Романа. Правда, Н.И. Щавелева, ввиду употребления хронистом венгерского термина, допускает, что Роман казнил не собственно галицких *eubagionum*, а неких проживавших в

Галиче знатных венгров, оставшихся после изгнания королевича¹³⁵. Но, как известно, венгров галичане выгнали, а если кто из них и осел, то не мог представлять значимую политическую силу.

Видимо, польский католический монах-хронист, составлявший свою хронику на латыни, не нашел в своей стране слова для обозначения западнорусского земского боярства. Поэтому он обратился к социальной практике других стран католического мира и использовал бытовавший в соседней Венгрии латиноязычный термин. Тем более, что, как уже отмечалось, Кадлубек иногда использовал подобные иностранные обороты¹³⁶. Так что искать венгерский след нет нужды, речь идет о тех же галичанах, что молили Лешека не прислать Романа. Теперь Роман жестоко проучил их, казнив лучших старых владимировых дружинников и самых знатных земских бояр (поскольку по отношению к последними хронист подчеркивает, что казнили лишь цвет — *florentissimos*, то, вероятно, убили всех - дружинную элиту, сановников, занимавших высокие должности).

Любопытно, что в польских источниках четко отразилось деление русской знати на дружинных сановников и земскую аристократию. Вече в городе традиционно играло видную роль, от него часто зависели судьбы княжения. И для того чтоб его усмирить, Роман казнил самых видных вечников. Но и галицкие, бывшие владимировы, дружинники тоже могли не захотеть служить волынскому князю и делить власть с волынской элитой (галицкие князья бояре не раз потом боролись с его сыном Даниилом, пришедшим в край с волынскими сподвижниками). Вот в их рядах произвели чистки.

Говоря о казни этих людей, польские хроники в один голос сообщают, что Роман очень жестоко их казнил - кого расстрелял, кого зарыл живьем в землю, с кого содрал кожу, кому перед казнью вырезал внутренности. А тех, кто бежал, лъстиво заманивал назад, а затем, найдя повод обвинить в чем-то, тоже казнил, применяя все виды пыток, приговаривая, что, не уняв пчел, не добыть меда¹³⁷ (как уже отмечалось, достоверность этих известий подтверждается в русской летописи, где в сходном контексте упоминаются эта поговорка Романа и его гонения на клан видных дружинников)¹³⁸. Польские хронисты объясняли это его желанием уничтожить сильных врагов и устроить себе спокойное правление. Также они подчеркнули его жесткость¹³⁹. В целом, сходно думают и историки¹⁴⁰.

Ныне А.В. Майоров предложил иную трактовку. По его мнению, в основе этих изощренных казней лежали традиционные магические языческие приемы, парализующие вечевую общину¹⁴¹. Но, во-первых, Роман казнил не только вечевую, но и дружинную элиту. Да и приведенные ученым примеры все-таки недостаточно свидетель-

ствуют о столь важном значении языческой магии в репрессиях Романа Мстиславича. Так, например, исследователь смог найти лишь два упоминания о расстрелах, и то относящихся к XI в.¹⁴² При этом в одном из двух описанных случаев князь казнил двух человек за одно и то же, но застрелил только одного из них¹⁴³. Не значит ли это, что, даже если расстрел исконно имел то языческое символическое значение, какое предполагает ученый¹⁴⁴, все равно в XI в. это уже не играло важной и ритуальной роли, и князь уже по своему личному усмотрению решал, кого как казнить? А о господстве языческой магии в интересующих нас политических расправах конца XII в. тем более нет нужды говорить.

Пришедший к власти путем завоевания, нелюбимый в городе во-лынский князь путем зверских репрессий уничтожал самых влиятельных галичан, чтобы сломить оппозицию и, по словам Великопольской хроники, обеспечить себе спокойное правление¹⁴⁵. И лично выбирал разные виды смертной казни за одно и то же. (И иные князья тоже так поступали: другой галицкий князь, Владимир Володаревич, например, за полвека до Романа, когда галичане призывали Берладника, за это часть из них *«иссекоша»*, а других казнил по-другому, *«казню злою»*, опять-таки по-разному за одно и то же¹⁴⁶. И реальных признаков магии в его действиях не было¹⁴⁷.) По прочим примененным Романом видам казни ученый не смог найти в древнерусских источниках прямых аналогий в домонгольское время¹⁴⁸ (даже привлеченные им былинные сюжеты, когда герои смотрят на сердце и вынимают печень у побежденного, трудно отнести к русским обычаям - этим занимаются иноземные недруги¹⁴⁹). Не значит ли это, что в XII в. они не имели ключевого магического значения и не применялись регулярно, в строго определенных случаях? А согласно данным Великопольской хроники, на которые не обратил внимания ни один исследователь, Роман, расправившись со своими жертвами, прочих благодетельствовал¹⁵⁰. Итак, сев в покоренном городе, во-лынский князь проводил политику кнута и пряника, демонстрируя, как опасно идти против него и как выгодно подчиняться. Конечно, о главенстве языческой магии тут говорить не приходится.

О дальнейших взаимоотношения Романа с галичанами данных нет. По мнению В.Т. Пашуто и Н.Ф. Котляра¹⁵¹, укрепившись в Галиче, Роман опирался на городские верхи. Ученые привлекли слова владимирских *«лепших мужей»*, хоронивших в 1288 г. внука этого князя, Владимира Васильковича, который, как некогда Роман, дал им *«свободу... свободиль бяше отъ всехъ бедъ»*¹⁵². Но тут речь идет именно о во-лынских боярах, а положение Волыни во время галицкого княжения Романа Мстиславича отличалось от галицкого. Ведь, заняв Галич, Роман, хоть

и остался в нем княжить, правил в нем как волынский князь. И, как видно из дальнейших летописных известий, волынские бояре активно участвовали в галицкой политике¹⁵³. Именно в том на деле и была основная (если не вся) «свобода», данная им Романом. Свобода влиять на галичан, включая знать, отлученную от власти в своем краю.

Однако Роман проводил успешную внешнюю политику и покорил даже Киев. Вероятно, поэтому после его гибели летом 1205 г., согласно Лаврентьевской летописи, «*галичане целоваша крестъ сыну его Данилу*»¹⁵⁴, которому было 4 года, а за него фактически правила его мать. Впрочем, не исключено, что к тому их вынудило давление венгерских войск. Согласно Галицко-Волынскому своду, «*по смерти Романову*» его вдова встречалась с венгерским королем в Саноце и получила от него «засаду» - защитный полк. А когда в самом скором времени, воспользовавшись смертью Романа на Галич, напал Рюрик Киевский, «*за то не смеша галичане ничтоже створити*»¹⁵⁵ (сложно сказать, хотели ли они реально тогда менять волынское владычество на киевское. Но само наличие венгерской «засады» нам кажется вполне логичным по тем временам)¹⁵⁶. Не исключено, что «не смеша» они и до этого, когда присягали сыну Романа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ПСРЛ. Т. 2. М., 2000. Стб. 661; См. также: *Грушевський М.С.* Історія України - Руси. Львів, 1905. Т. 2. С. 447; *Сафроненко К.А.* Общественно-политический строй Галицко-Волынской Руси XI-XIII вв. М., 1955. С. 95; *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М., 1982. С. 514; *Котляр Н.Ф.* Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX-XIII вв. К., 1985. С. 86; *Его же.* Княжеский двор Галича в XII веке // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 4 (26). К., 2006. С. 64; *Пашин С.С.* Галицкое боярство XII-XIII вв. // Вестник Ленинградского университета. № 23. 1985; *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001. С. 276; *Несин М.А.* Галицкое вече в событиях 1187-1188 гг. // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. 2009. № 3 (17). С. 34.

2. Подробнее см.: *Несин М.А.* Галицкое вече в событиях... С. 34-35, 42. Прим. 31.

3. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 661.

4. Там же.

5. Там же.

6. Там же.

7. *Несин М.А.* Галицкое вече при Ярославе Осмомысле // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. 2010. № 1 (19). С. 84, 95. Прим. 87.

8. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 660; *Майоров А.В.* Галицко-Волынская. Русь... С. 283; *Несин М.А.* Галицкое вече при Ярославе... С. 78.
9. *Лукин П.В.* Древнерусские «вои» в начальном летописании // Средневековая Русь. (Далее - СР) / Отв. ред. А.А. Горский. М., 2004. Вып. 5.
10. *Несин М.А.* Галицкое вече при Ярославе... С. 81, 94. Прим. 26.
11. *Лукин П.В.* Древнерусские вои в начальном летописании... С. 258.
12. *Татищев В.Н.* История Российская. Ч. 2 // *Татищев В.Н.* Собр. соч. в 8 т. М., 1998. Т. II-III. С. 145.
13. Там же.
14. *Грушевський М.С.* Історія української літератури. К., 1993. Т. 3. С. 62; *Приселков М.Д.* История русского летописания XI-XV вв. СПб., 1996. С. 291.
15. *Рыбаков Б.А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 156-159; *Толочко П.П.* Русские летописи и летописцы X-XIII вв. К., 2003. С. 147-149; *Котляр Н.Ф.* Даниил, князь Галицкий. СПб., 2008. С. 19-20.
16. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 662.
17. Подробнее см.: прим. 7.
18. См. прим. 3.
19. См. прим. 12.
20. См., напр.: *Грушевський М.С.* Історія України - Руси. Т. 2. С. 448; *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С. 142; *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь... С. 284.; *Толочко П.П.* О «крамоле безбожных бояр галичских» // *Толочко П.П.* Вибірні твори 1998-2008 рр. К., 2008. С. 339; Подробнее см.: *Несин М.А.* Галицкое вече при Ярославе... С. 95. Прим. 87.
21. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 661; *Несин М.А.* Галицкое вече при Ярославе... С. 84.
22. Там же.
23. См. прим. 12.
24. Там же.
25. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 657; См. также: *Несин М.А.* Галицкое вече в событиях... С. 40-41. Прим. 25.
26. См. прим. 12.
27. См. прим. 3.
28. См. прим. 12.
29. См. прим. 16.
30. Там же.
31. См. прим. 12.
32. *Кордуба М.* Суспільні верстви та політичні партії в Галицькому князівстві до половини XIII ст. // Записки Наукового товариства ім. Шевченка Т. 32. 1899. С. 42; *Грушевський М.С.* Історія України - Руси... Т. 2. С. 448-449; *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь... С. 282.
33. *Несин М.А.* Галицкое вече при Ярославе... С. 92. Прим. 64; *Его же.* Новгород 1470-х годов: соотношение внешнеполитических исканий с преданностью родной «старине» // Новгородика-2010. Вечевой Новгород: материалы научно-практической конференции 20-22 сентября 2010 г. Ч. 1. / Сост. Д.Б. Терешкина. Великий Новгород, 2011. С. 205-206.

34. Об этом см., напр.: *Азбелев С.Н.* Фиаско историка, игнорировавшего данные археологии // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 22 / Отв. ред. В. Л. Янин. Великий Новгород, 2008.

35. *Татищев В.Н.* История Российская. Ч. 2. Т. II-III. С. 48.

36. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 33.

37. ПСРЛ. Т. 1. М., 2000. Стб. 46-47; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 34-35.

38. *Татищев В.Н.* История Российская. Ч. 2. Т. II-III. С. 220; Ср.: *Горский А.А.* Два «неудобных» факта из биографии Александра Невского // Александр Невский и история России. Новгород, 1996.

39. *Татищев В.Н.* История Российская. Ч. 2. Т. IV. С. 200; Ср.: *Несин М. А.* Новгород 1470-х гг.... С. 205-206.

40. ПСРЛ. Т. 2 Стб. 662; См. также: *Несин М.А.* Галицкое вече при Ярославе... С. 93. Прим. 64.

41. Новгородская I летопись // ПСРЛ. Т. 3 М., 2000. С. 32-33, 321-322; Сказание о битве новгородцев с суздальцами // Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века. М., 1981. С. 448-453.

42. Великая хроника о Польше, Руси и их соседях / Под ред. В.Л. Янина. Сост. Л.М. Попова, Н.И. Щавелева. М., 1987. С. 131-134; Хроника магистра Винцентия Кадлубка // *Щавелева Н.И.* Польские латиноязычные средневековые источники: тексты, перевод, комментарии. М., 1990. С. 95, 109-110.

43. *Несин М.А.* Галицкое вече в 1235-1240-х гг. // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. 2012. № 4 (30). С. 89.

44. *Несин М.А.* Галицкое вече и Даниил Галицкий в 1204-1229 гг. // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. 2011. № 2 (24). С. 5-6.

45. См. прим. 16.

46. *Татищев В.Н.* История Российская... Ч. 2. Т. II-III. С. 146.

47. См., напр.: *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества... С. 514. *Котляр Н.Ф.* Формирование территории... С. 86; *Его же.* Княжеский двор Галича... С. 64.

48. См. прим. 16.

49. Великая хроника о Польше... С. 124. Хроника магистра Винцентия Кадлубека... С. 106.

50. См. прим. 46.

51. См., напр.: *Зубрицкий Д.И.* История древнего Галичско-Русского княжества. Ч. 2. Львов, 1852. С. 29; *Пашуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 180; *Котляр Н.Ф.* Формирование территории... С. 86.

52. *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь... С. 281-285 и др.

53. *Стефанович П.С.* Отношения князя и знати в Галицком и Волынском княжествах до конца XII в. // СР. Вып. 7. М., 2007. С. 211-212.

54. Там же. С. 215.

55. См. прим. 3.

56. *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь... С. 282-284. *Стефанович П.С.* Отношения князя и знати... С. 211-212.

57. *Несин М.А.* Галицкое вече при Ярославе... С. 84, 92. Прим. 64.

58. Летописный свод XV века (по двум спискам) // Материалы по истории СССР. Т. 2. М., 1955. С. 284; *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь... С. 282.

59. ПСРЛ. Т. 25. М., 2000. С. 86.
60. Несин М.А. Галицкое вече при Ярославе... С. 96. Прим. 92.
61. Там же. С. 92. Прим. 87.
62. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 662-663.
63. Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь... С. 289-290.
64. См. прим. 60.
65. Несин М.А. Галицкое вече в 1204-1229 гг. С. 19-21; *Его же*. Галицкое вече в 1229-1234 гг. С. 50-51.
66. Несин М.А. Галицкое вече в 1187-1188 гг. С. 32-33; *Его же*. Галицкое вече при Ярославе... С. 92. Прим. 9.
67. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 664.
68. Татищев В.Н. История Российская. Ч. 2. Т. II-III. С. 148.
69. Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь... С. 299.
70. См., напр.: Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 2004. С. 104; Кордуба М. Суспільні верстви та політичні партії... С. 13; Толочко П.П. О «крамоле безбожных бояр галичских»... С. 340.
71. См. прим. 68.
72. Дашкевич Н.П. Княжение Данила Галицкого, по русским и иностранным извѣстіямъ. К., 1873. С. 43; Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь... С. 43. Там же. С. 291.
73. См. прим. 67.
74. См., напр.: Котляр Н.Ф. Формирование территории... С. 87.
75. Несин М.А. Галицкое вече при Ярославе... С. 88.
76. Стефанович П.С. Отношения князя и знати... С. 216.
77. Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь... С. 289; Стефанович П.С. Отношения князя и знати... С. 215.
78. Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь... С. 289.
79. См. прим. 67.
80. Там же.
81. См. прим. 68.
82. Соловьев С.М. Сочинения в 18 кн. М., 1998. Кн. 1. Т. 2. С. 549, 704.
83. Зубрицкий Д.И. История древнего Галицко-Русского... Ч. 2. С. 126-127; Грушевський М.С. Історія України — Руси... Т. 2. С. 450.
84. Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь... С. 290; Стефанович П.С. Отношения князя и знати... С. 215.
85. Татищев В.Н. История Российская. Ч. 2. Т. II-III. С. 147.
86. См. прим. 67.
87. См. прим. 68.
88. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 666; Татищев В.Н. История Российская. Ч. 2. Т. II-III. С. 149.
89. См. прим. 67.
90. Там же.
91. Там же.
92. Татищев В.Н. История Российская. Ч. 2. Т. II-III. С. 149.
93. Там же.
94. См. прим. 67.
95. См. прим. 92.

96. См. прим. 67.
97. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 664; *Татищев В.Н.* История Российская. Ч. 2. Т. II-III. С. 149.
98. См. прим. 92.
99. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 665.
100. Там же.
101. См. прим. 92.
102. См. прим. 99.
103. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 665; *Татищев В.Н.* История Российская. Ч. 2. Т. II-III. С. 149.
104. См. прим. 99.
105. Там же.
106. См. прим. 12.
107. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 667.
108. Обоснования датировки см., напр.: *Пашуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси... С. 163.
109. Ioannis Dlugossi seu Longini, Historia Polonica. Lipsiae, 1711-1712. Т. II. С. 175.
110. См. прим. 107.
111. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 738.
112. *Несин М.А.* Галицкое вече при Ярославе... С. 92. Обоснование датировки см., напр.: *Котляр Н.Ф.* Князь, бояре и вече в Галицко-Волынской Руси // Древнейшие государства Восточной Европы: 2004 год. Политические институты Древней Руси/Отв. ред. Т.В. Гимон, Е.А. Мельникова. М., 2006. С. 257-258.
113. *Татищев В.Н.* История Российская. Ч. 2 Т. II-III. С. 165.
114. Там же.
115. Там же.
116. Там же.
117. Там же.
118. *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь... С. 332-333.
119. *Котляр Н.Ф.* Формирование территории... С. 119.
120. Великая хроника о Польше... С. 134-135; Хроника магистра Винцентия Кадлубека... С. 110.
121. Там же.
122. Великая хроника о Польше... С. 134-135.
123. Хроника магистра Винцентия Кадлубека... С. 110.
124. Ioannis Dlugossi seu Longin Т. II. С. 178.
125. *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь... С. 334.
126. Там же. С. 334-335.
127. См. прим. 113.
128. См. прим. 120.
129. Там же.
130. Хроника магистра Винцентия Кадлубека... С. 111.
131. См. прим. 125.
132. *Balzer O.* Studium o Kadlubku. Lwow, 1934-1935. Т. 1. С. 446; *Bogucki A.* Terminologia polityczna w Kronice Mistrza Wincentego // Studia Źródłoznawcze/ Commentationes. 1976. Т. 20. С. 61-62
133. Хроника магистра Винцентия Кадлубека... С. 110. Прим. 127.

134. Там же.
135. Великая Хроника о Польше. С. 135.
136. Там же.
137. См. прим. 130.
138. См., напр.: *Котляр Н.Ф.* Формирование территории... С. 90; *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь... С. 341.
139. Великая хроника о Польше... С. 135; Хроника магистра Винцентия Кадлубека... С. 111.
140. См., напр.: *Грушевський М.С.* Історія України - Руси... Т. II. С. 7-8; *Котляр Н.Ф.* Формирование территории... С. 90.
141. *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь... С. 341-346.
142. Там же. С. 145-148.
143. Киево-Печерский патерик//Древнерусские патерики. М., 1999. С. 66; *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь... С. 147.
144. См. прим. 142.
145. См. прим. 135.
146. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 317.
147. *Несин М.А.* К истории происхождения Галича // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. 2010. № 3 (21). С.65; Ср.: *Майоров А.В.* Галицко- Волынская Русь... С. 343.
148. См. прим. 141.
149. Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. В 3 т. М., 1909. Т. 1; Ср: *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь... С. 347.
150. См. прим.135.
151. *Пашуто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 181; *Котляр Н.Ф.* Князь, бояре и вече... С. 259-60.
152. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 918
153. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 727-728.
154. ПСРЛ. Т. 1. Стб. 425; *Несин М.А.* Галицкое вече в 1204-1229 гг. С. 6.
155. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 718.
156. *Несин М.А.* Галицкое вече в 1204-1229 гг. С. 6; Ср.: *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь... С. 372-374.